

100 РОЖЕВА

В КОЖУРЕ
МИН НЕТ

Татяна 100 Рожева

В кожуре мин нет (сборник)

«Автор»

100 Рожева Т.

В кожуре мин нет (сборник) / Т. 100 Рожева — «Автор»,

А где есть? В плодово-овощном эпителии и в теле – плода, овоща, а тем более фрукта! И чем глубже в тело, тем больше вероятность встретить мин и минеров, то есть тех, кто ищет друг друга. Настораживающе много и тех и других – в мягких местах тела. Особенно взрывоопасны – места дислокации зерен и косточек! Ибо именно там сокрыто начало нового и хорошо забытого старого. Дерганье за хвостик – также чревато последствиями! Если предложенная истина кажется Вам неубедительной, а она кажется таковой любому минеру-любителю, имеющему личные грабли и бронбойную самоуверенность, – дерните за хвостик, ковырните эпителий или вгрызйтесь в сочную мякоть! А так как Вы, натура ищущая, скорей всего, произведете все эти действия, вот Вам проверенное правило: В кожуре мин нет! Так о чем книжка? Что еще может написать почетная минерша оставшимися тремя пальцами? Понятное дело, брошюру о здоровье и инструкцию по технике безопасности! Ну, и немного о любви... В военно-фруктовом значении этого слова. Безопасного чтения!

© 100 Рожева Т.

© Автор

Содержание

Наша клиника	6
Матрица	16
Один оттенок желтого	19
Восьмерка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Татьяна 100 Рожева

В коже мин нет

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Наша клиника

Медицинская клиника. Дорогая чистота. Регистратура. Белый халатик. Юная грудь. Крестик со стразами. Глаза-пуговицы.

– Ваш врач сегодня с четырнадцати тридцати.

– Как? А мне сказали, с часу!

– Кто вам сказал?

– Не знаю, кто-то в телефоне!

Улыбка. Платный вариант «вас много – я одна».

– Ваш врач сегодня с четырнадцати тридцати. Вы можете подождать.

– Ну, я вам звонила! Спрашивала у вас, когда принимает врач! Кто-то же мне ответил!

– Я не знаю, с кем вы разговаривали. Ваш врач сегодня с четырнадцати тридцати. Вы можете подождать в холле, если хотите.

Песню замкнуло. Улыбка. Ногти на клавиатуре. Белый халатик. Юная грудь. Крестик со стразами. Глаза-пуговицы. Разговаривать бессмысленно.

Полтора часа до 14. 30! Ни туда, ни сюда...

В холле – здоровые коричневые диваны. «Здоровые» в смысле «большие», а не в смысле «обследованные и вылеченные». Попа вязнет в поролоновых джунглях. Рядом мужчина. Бородка, свитер, джинсы, любопытные носки, туфли. Правая нога меняется местами с левой. Следующие пять минут – она сверху. Пальцы теребят рекламный проспект «Наша клиника». С его сгиба кособоко улыбаются люди в белых халатах. Мужчина накладывает проспект на бедро, как горчичник. Тоже ждет...

Пальма в углу «по стойке смирно» прижимает дырявые лапы к волосатому стволу – из уважения к заведению или из страха – растопыришься – сошлют на склад, а там – полив старым чаем и стена с уродом семейства узколистных из журнала «Наш сад». Не дай бог!

Дверь кабинета с надписью: «Уролог. Кандидат медицинских наук Дьячков Ф.Ф.» выпускает невысокого лысого мужчину и слова: «уреплазма, не тяжелое, но неприятное, таблеточки, обязательно, да, да, пожалуйста, всего хорошего». Слова сказаны, видимо, Дьячковым Ф.Ф., но его самого не видно. К кабинету семенит пожилой обладатель живота в шерстяном жилете. Бодро стучит, приоткрывает, спрашивает: «Можно?», исчезает за дверью.

Сосед по диванным джунглям смотрит на часы.

– Вы не в 26 кабинет, случайно? – интересуюсь я больше от скуки.

– Я? А, нет. Я жду. Жену.

– Что-то серьезное?

– С чего вы взяли?

– Ну не знаю. С женой в клинику...

– Аа... нет, это у нее проблемы... некоторые... Я только в качестве водителя, телохранителя, – снисходительно улыбается он.

– Какой вы молодец! Редкий муж как говорится!

Он обращает ко мне бородку и хитрый взгляд:

– You are so beautiful, do you need a bodyguard?

Минуту я перевожу неожиданный текст. Без словаря.

– А вы потянете два тела?

– Не глупа! – качает он бородкой.

– А вы с чего взяли?

– Так показалось. Вы со мной осторожней общайтесь, мадам. Влюбиться можете. Я предупредил! – произносит он, слегка откашлявшись.

Вот везет мне всегда на придурков там, откуда уйти нельзя! А впрочем, надо же как-то убить время до 14.30. Сочетание в моем соседе бородки, любознательных носков и желания выступать обещает убийство времени быстрое и безболезненное.

– Сядьте пониже! – хамлю я для разминки.

– Зачем?

– Угорите!

– А, это шутка юмора у вас такая? Я понял! Решили сразу блеснуть интеллектом! А зачем? Не надо! Я вам почему-то верю и без этого.

– Напрасно.

– Резковаты! – ставит диагноз сосед. – Почему? Я же не хочу вас укусить!

– Вам и не удастся. Я в каске. А обиженность – плохой компас.

– Я никогда не обижаюсь. Опять умничаете? Будьте проще, мадам! Куплю, полюблю, и полетим! – ухмыляется он собственной, видимо, шутке. – Хотите – не хотите?

– Не хочу.

– Зря! Хотеть надо обязательно! Потому как фригидность может развиваться!

– Не переживайте.

– А почему вы краситесь в пошлый блондинистый цвет? Красьтесь в черный! Будете брУнетка с голубыми глазами! Вам это больше подойдет!

Его ноги меняются местами. Теперь левая сверху. Левому носку хуже видно меня, зато лучше дверь углового кабинета с надписью, не читаемой с нашего поролонового острова. Интересно, какая у этого типа жена? Наверняка худенькая застенчивая брУнетка. Спит в байковой сорочке до пят и утирает слезу, гася ночник...

– Не надо обижаться! – включает беседу сосед. – Я говорю, что думаю. Все хотят много и сразу. Вы тоже?

– Я люблю безразмерное. А вы, простите, на что намекаете? Вы ведь жену ждете!

– Ни на что я не намекаю! Вы вообще не в моем вкусе, извините, если честно. Мне интересен ваш интеллект, если конечно он есть!

– Нету!

– Взяли и сбили с мысли! Вот грубовата ты!

– Не «ты», а «вы!» – поправляю я, словно учитель Нестор Петрович из кинофильма «Большая перемена».

– Да ладно те выпендриваться! – крутит бородкой сосед.

Я смотрю на часы. Убито всего двадцать минут.

Дверь кабинета с надписью «Уролог. Кандидат медицинских наук Дьячков Ф.Ф.» снова открывается со словами: «таблеточки, уреплазма, обязательно, да, да, пожалуйста, не тяжелое, но неприятное, всего доброго». Владелец живота в шерстяном жилете плетется через холл в коридор, откуда ему на смену движется мужчина моложе и толще, в жилете с карманами и красным лицом. Со стуком и вопросом «Можно?» он скрывается внутри кабинета.

– Ты что замолчала? Живость ума кончилась? – жмет на педаль сосед.

– Ага. Кончила и ушла.

– Слушай, я вижу, ты слегка задвинута на сексе. Это хорошо или плохо?

– А ты как думаешь? Хорошо это или плохо?

Ухватив интересную тему за два конца, мы разворачиваемся друг к другу вполборота, прошуршав попами дуэт на здоровом коричневом диване. Пальма в углу расправляет дырявые уши.

– Думаю, отклонение в ту или иную сторону грозит отсутствием морали! Или для тебя мораль не в цене? – горячо произносит мужчина.

– Что такое мораль? Объясни мне!

– Мораль это традиционные устои воспитания и веры!

– Это длинный, тупиковый и безрезультатный разговор. Ты готов его вести? – разогреваюсь я.

– Для кого как! А ты считаешь себя умней и продвинутой всех на планете? Это тоже не Зэрр Гуд! Мне лично все ясно! Все равно все сводится к одной формуле – да или нет. Все остальное словоблудие и блядство чистой воды!

Рекламный проспект «Наша клиника» падает с соседского бедра на диван. Мужчина резким движением сует его в щель между сиденьем и спинкой.

– Нет, не считаю, – парирую я. – Но есть темы, у которых нет ни конца, ни ответа, типа смысла жизни. И эта такая же. Разве нет?

– Нет, конечно! Просто есть белое, но наши ученые и политологи доказывают нам, что это не совсем белое, скорее черное, или не очень белое!

– Это схоластика. Возьми обычный пример: муж, жена, верность. Он всю жизнь верен и прочит на бухгалтершу или соседку, представляя их в самых развратных позах, чтобы не взорваться, но верен. Расставь акценты морали в этом самом банальном примере.

– Мужик должен быть мужиком! – повышает голос сосед, пугая пальму. – Должен не прочить, а... делать! – находит слово сосед. – Конечно, мужчины разные есть, и прыщавые и гандоны, но я говорю о настоящих! И, кстати, что положено мужчине, женщине – нет! Мужчина изначально полигамен! Просто все извращено!

– А ты давно женат?

– Да, давно! И причем на одной! – хвастается он.

– И ээ... делаешь ее одну с неослабевающим удовольствием все восемьдесят лет?

– Нет, конечно! – потрясывает он бородкой. – У меня с бабами все в порядке! Причем от двадцати четырех лет и без денежных стимуляций!

– Где мораль?

– По-разному! Иногда во рту! – ухмыляется собеседник.

– И? Стоило затевать беседу о морали с осуждающим лицом! Кончай девочкам в рот и радуйся!

– Но это не должна знать жена! При таком раскладе семья только укрепляется! Это личная жизнь мужчины! А если ее убрать, появляется то, что мы хорошо знаем!

– А жене ничего нельзя, да?

– Жене – нельзя! Это придумали во времена нигилизма. Декаданс, и прочее. Яркий представитель Колотай из русских. Но если женщина хочет семьи, этого не должно быть! Разводись и ебись на здоровье! А то мы хотим и семью и ебаться. Так не бывает!

– Коллонтай – фамилия этот тетеньки. А то, что ты проповедуешь, называется мужским шовинизмом. Старо и скучно. Женский клиторальный оргазм ничем не отличается от мужского по ощущениям, а есть еще у женщины вагинальный и анальный. При этом тебе можно, ей нет! Логично!

– Мой прадедушка, врач профессор сказал мне, когда мне было семь лет: «Разрушение государства Россия началось с эмансипации женщин!»! Но тогда я не знал, что это. В России сейчас должно жить миллиард человек, а живет десятая часть! Вот тебе шовинизм, госпожа феминистка!

– Ну, так и сиди в своей семье! – вскипаю я. – И держись за свою ячейку! Люби жену, расти детей, а не бегай по девкам. С себя-то не хочется начать? А то ты в рот кончаешь девушкам, а жена должна о России думать, молиться на прадедушку.

– Я по девкам не бегаю! – пафосно возражает сосед. – Я дружу с женщинами, и получаю кайф от этого! Не учи меня жить, дорогая феминистка! Всех устраивает! Да, мне можно, а тебе нельзя!!! Ты мужнина жена! Его лицо!!! – почти кричит мужчина и рывком меняет местами ноги.

Правый носок с интересом наверстывает упущенные впечатления.

– Дремучесть наше все. Прадедушке привет..., – вяло продолжаю я.

– Ты продукт эмансипированного общества, как и все женщины вокруг! Но кто сказал, что это правильно! Европа вымирает! Россия на грани! Оглянись! И почему это так тебе не нравится? Ведь ты мама в первую очередь! А прадедушка давно умер.

– Эмансипация здесь не при чем! Логика нарушена! Ты как депутаты наши, которые борются с воровством. Сам не воруй! Верно?

– Ты плохо читала Научный коммунизм. Опять ты все в одну кучу! При чем здесь депутаты? Это разные понятия! Воровство это низко. А воровство – потому что мы живем в обществе клептоманов, и их власть сегодня, все просто.

– Куча одна! Говоришь о морали – сам не дружи в рот с женщинами! Ты за честность? Сам не воруй! Ты за спорт? Сам вставай с дивана, иди в зал! И так далее. Логика элементарная! Неужели не доступно?

Мужчина ерзает в поролоновых джунглях в поисках аргументов. Находит.

– В Турции, например, сегодня калым за жену с четырьмя классами образования – сто тысяч, с десятью классами – десять тысяч, а с высшим образованием – бесплатно! Это ты не хочешь понять!

– Ценится неграмотность или молодость? И Россия еще тянет на Гондурас, но никак не на Турцию!

– Возраст одинаков, за неграмотную дают больше денег! – втолковывает сосед. – Думаешь Турки дураки? Мы все в России максималисты! Но это детский максимализм!

– Это же от бессилия. Образованная еще думать начнет, не дай бог!

– Ну, наконец-то! – выдыхает мужчина. – Дошло!

– Так думать начнет, читать, сравнивать мужа, ей станет тесно быть беременной на кухне. Измена неизбежна. Это дорога в эту сторону. Опять логика подкачала?

– Однако в Турции семьдесят пять миллионов при территории с гулькин нос. Вот и считай, что лучше!

– Это традиция, не более.

– Права! А ты легко обучаема и не глупа! – он смотрит на меня с удивлением, как на думающую пальму. – Конечно, традиции! Так, вся культура происходит от традиций! Почему в Европе при красном светофоре все стоят, а у нас...

Его речь прекращает грустная блондинка в приоткрывшейся двери углового кабинета.

– Игорь! Доктор хочет с тобой поговорить! Подойди, пожалуйста! – зовет она.

– Со мной?! – привстает с дивана сосед. – Это еще зачем?!

– Подойди, пожалуйста! – терпеливо повторяет женщина.

Мужчина неохотно поднимается, оставив в диване яму, прожитую его попой и проходит в кабинет, на ходу оправляя джемпер.

Блондинка, посторонившись, пропускает его, улыбается кому-то вглубь кабинета, и выходит в холл. Она оглядывает пространство и садится на второй здоровый диван, противоположный от промятого ее мужем.

Сапоги на «низком», юбка, трикотажная кофточка, честно докладывающая о форме лифчика и количестве складок на боках, затертая на углах сумка, стрижка «каре» из осветленных волос. Обычная «жена». Не за что зацепиться глазу. Вот и гуляет мужик, – оправдываю я бывшего соседа, – а гулять на теоретической базе вроде не так стыдно...

Блондинка вдруг встает и пересаживается ко мне, точно в мужнину яму, вынимая из щели между сиденьем и спинкой переходящий рекламный проспект «Наша клиника». Люди в белых халатах улыбаются новой пациентке. Она пахнет сладким парфюмом, каким подслащивают свою жизнь одинокие пенсионерки. Катяшки на боках кофточки митингуют против безразличия хозяйки, в чем идти с мужем к врачу! Или за...

– У вас интересный муж, – начинаю я, чтобы добить оставшиеся сорок минут и из любопытства, конечно. – Мы тут с ним схлестнулись в дискуссии!

– А вы замужем? – поворачивает испуганное лицо блондинка.

– Да.

– И у вас все хорошо?

– По-разному. Но в целом, вполне. А у вас нехорошо?

– Он вам рассказал? – еще больше пугается женщина.

– Нет, нет, что вы! У нас был политический спор.

Женщина молча рассматривает ногти, совпадающие по размеру с приветливыми лицами докторов в проспекте «Наша клиника».

– Я сама во всем виновата, – вздыхает она. – Сейчас же все везде написано. Журналы всякие, интернет, передачи, курсы... Я не считала, что мне все это нужно.

– Что вам нужно? Советы из серии «как взбодрить мужа» – «смените прическу, купите кружевную ночнушку, сделайте неожиданный минет, испеките торт в форме полового органа»?

Блондинка болезненно улыбается.

– Не знаю..., – помолчав, говорит она.

– А вы заведите себе... увлечение!

Она резко оборачивается, округлив наспех накрашенные глаза, словно я узнала ее самую огромную тайну.

– Займитесь танцами, рисованием, вышиванием, не знаю чем, что вам нравится! – вырливаю я.

– Да... Доктор тоже сказал. Я устаю на работе. Ничего уже не хочется...

Из двери кандидата медицинских наук уролога Дьячкова Ф.Ф. одновременно выходят – мужчина в жилете с карманами и побледневшим лицом и слова: «таблеточки обязательно, да, да, пожалуйста, не тяжелое, ничего страшного, запишитесь в регистратуре, всего хорошего»

В холле появляется худой мужчина в темных брюках и полосатой рубашке.

– Сюда кто-нибудь есть? – сконфуженно спрашивает он, кивая на кабинет уролога.

Мы с блондинкой дружно мотаем головами.

Мужчина робко стучит, и после «да, пожалуйста» – исчезает за дверью.

– Во поток у доктора! – комментирую я.

– Да..., – отрешенно произносит женщина и открывает проспект «Наша клиника», делая вид, что внимательно читает обращение радостного директора к больным всех стран.

Я смотрю на часы. Полтора часа почти убито. Пятнадцать минут – уже ерунда.

В проеме угловой двери возникает мужчина в белом халате с живыми глазами и располагающим лицом.

– Людмила! Зайдите, пожалуйста! – приятным голосом приглашает он женщину.

Оставшись в холле одна не считая ушастой пальмы, я берусь за проспект «Наша клиника». Амфитеатр из улыбающихся людей в белых халатах на обложке так и зовет к ним заглянуть. «В нашем медицинском центре уделяется большое внимание организации работы регистратуры. Сотрудники регистратуры проходят специальное обучение, ориентированы на максимально эффективное решение любой возникающей проблемы и вежливое отношение к клиенту» – читаю я. Давно не читала ничего более циничного! Глаз выцепляет подзаголовок «Урология» и текст: «урология – раздел медицины, изучающий вопросы анатомии, физиологии, диагностики и лечения заболеваний мочевыделительной системы человека и мужских половых органов. В нашем центре консультации уролога проводятся высококлассными специалистами в удобное для пациента время».

Ну, совсем писать не о чем, кроме цитат из энциклопедии! – убиваю я сочинителей рекламного проспекта и еще пять минут времени.

Из углового кабинета молча выходит супружеская пара Игорь и Людмила. Первым – мужчина, за ним его жена. Он, не обернувшись, проходит через холл, она успевает виновато улыбнуться на прощание.

Уролог Дьячков Ф.Ф. выпускает сконфуженного худого пациента в мягкой упаковке уже выученных слов. Через пару минут он показывается сам с ключом в руке. Маленький, с русым чубом на лбу и джинсами из-под белого халата.

– Вы не ко мне? – спрашивает уролог.

– Нет...

– Жаль! – улыбается он, закрывая кабинет.

Он слегка подпрыгивает при ходьбе на мысках, словно под его пятки подложены «таблеточки» и он боится растереть их в «порошочек». В холле, наконец, появляется мой доктор, ухоженная дама неопределенного возраста, и следующие полчаса я убиваю долгожданным рассказом о своей любимой болячке.

Проходя мимо двери углового кабинета, я, наконец, причитываю нечитаемую с дивана надпись: «Психолог. Кандидат медицинских наук Кружанский А.А.» и оборачиваюсь, чтобы попрощаться с пальмой углу. Она снова стоит «по стойке смирно», прижав дырявые лапы-уши к волосатому стволу, а я думаю, что мне тоже не помешало бы зарулить к Кружанскому А.А....

Возле ворот «нашей клиники» кандидат медицинских наук, уролог Дьячков Ф.Ф. чистит от снега свой черный внедорожник. Куцая курточка, джинсы, русский чубчик, курносый нос и сильно разбавленные водой светло-голубые глаза. Задранная рука со скребком оголяет ремень и белую футболку на талии. Совсем мальчик. Я засматриваюсь на его большую выпуклую попу, которая, кажется, должна принадлежать парню покрупней.

Он перехватывает взгляд.

– Вы и это прекрасно делаете! – говорю я, чтобы оправдать свое бесцеремонное разглядыванье.

Он довольно улыбается.

– Вы наблюдательны. Может вас куда-нибудь подвести?

– Не откажусь.

– Я вообще-то на Бабушкинской живу.

– А я на Ботаническом саду!

– О, это вообще по пути! – обрадованно говорит он. – Садитесь! Меня Федор зовут.

– Федор Федорович?

– Совершенно верно!

В здоровом водительском кресле внедорожника он выглядит как болезненный школьник в папиной машине. Чтобы ботинки доставали до педалей, кресло вплотную придвинуто к рулю. Федор Федорович напряженно смотрит в зеркало, выруливая с клинической парковки.

– Недавно за рулем? – угадываю я.

– Нет, просто машина новая. Не привык еще.

– Вы такой молодой, и уже кандидат наук! – смазываю я.

– Кандидат я тоже недавно, – произносит он, с усилием вписываясь в поворот.

– А вот интересно, почему именно урология? Как врач выбирает ту или иную специальность?

– Отец хотел, чтобы я был врачом. Я выбрал направление, в котором смогу добиться большего.

– Большого – это чего?

Он кидает на меня разбавленный недоумением круглый взгляд.

– Карьера, рост, материальное, чего? Мне тридцать три уже, времени и так немного, чтобы чего-то добиться. А у меня отец... в общем, я хочу доказать, что чего-то могу в этой жизни сам, что я не просто Федька!

– Но для этого в пластическую хирургию идут, в гинекологи, куда еще, не знаю... Мужчины ведь лечиться не любят.

– Это правда! – улыбается Федор. – Но урология – особая область медицины. Сегодня был мужик. Из нефтянки. Член такой! Я такого не видел за всю свою практику! С мою руку! – Федор отрывает от руля и трясет в воздухе ручонкой со сжатым кулачком. – И проблемка-то небольшая, так он всю клинику на уши поставил! Я начал на час раньше, чтобы его принять, записи уже не было. Таблетки ему выписал самые дорогие, а он – доктор, а дороже нет? Наши люди ведь как считают – чем дороже, тем лучше лечит!

– Вот это счастье! – впечатляюсь я. – И деньги и член! И все одному!

– У меня тоже, между прочим... – произносит Федор Федорович и осекается на полуслове.

– Что тоже?

– Так, ничего, – смущается он. – В общем, проблемы с членом это единственное, на что мужики быстро реагируют.

– А что такое хорошая карьера для уролога? Вы ведь уже в дорогой клинике работаете. Что дальше?

– Меня в институт зовут.

– Преподавать?

– Научный институт. Работать. Место там должно освободиться.

– Там же зарплаты маленькие.

– Да, зарплаты там небольшие, но дело не в этом. Финансирование сейчас туда пошло. Квартира за полгода выходит. У меня однокомнатная пока, и ту отец помог купить. А я сам хочу!

– Какой вы целеустремленный, Федор Федорович! Вот жене-то повезло! – произношу я тоном старушки, философствующей на нечищенных семечках подсолнечника.

– Я не женат.

– Развелись?

– Не был.

– Собираетесь? Девушка есть? – вживаюсь я в старушку.

– Девушки нет. И не собираюсь.

– У вас нетрадиционная ориентация? Вы уж простите меня за бестактность, но я уже не могу остановить список!

– Нормальная у меня ориентация! – пугается он.

– Ну, мне остается только спросить, как доктор доктора, в чем проблема?

Федор Федорович ударяет кулачком по сигналу, выбивая «квак» для впереди едущей девушки.

– В девушках проблема! – говорит он. – «Я хочу за тебя замуж» через три дня знакомства нормально слышать? А «Федь, давай поженимся» прямо во время секса? Сама меня, главное, соблазняла, кружевное белье прекрасно видно через белый халат, и все время перед носом у меня – шасьт туда, шасьт обратно! Так я еще в ней, она мне «Федь, давай жениться!». Это как вообще?

– Ну, может, вы ее так впечатлили?

– Впечатлил! – зло соглашается Федор. – Тридцать три года, не курю, не пью, квартира, машина, нормальная работа, цели в жизни есть! Они все хотят за меня замуж! Все! Не верю ни одной!

– Ну, это же нормально, что девушки стремятся к благополучию.

– Да мне-то что! Я всего добился сам, и никого везти на своей шее не собираюсь! Ну, вот чего она делает? – Федор лупит два раза подряд по сигналу и обгоняет тупую девушку, раздраженно оглядывая ее.

– Вы совершенно правы, Федор! – выписываю я успокоительное.

Он смотрит на меня через зеркальце заднего вида глазами, бровями и переносицей, словно хирург в маске, но его взгляд от «успокоенного» далек.

– А член у меня реально классный. Женщинам нравится! – произносит он, краснея от собственной смелости.

Я решаю не изображать оскорбленную добродетель и добить время по-взрослому.

– Покажешь?

– Прямо щас?

– Ну, да...

Федор сбавляет скорость, расстегивает одной рукой джинсы и ловко вынимает член – крупный, красивой формы и готовый, собственно, жениться. Я чуть сжимаю его, глядя в разбавленные розовым компотом светло-голубые Федины глаза.

– Классный! Согласна...

– Поехали ко мне? – возбужденно произносит Федор. – Пожалуйста! Я тебя еще в клинике заметил. Специально задержался, ждал пока выйдешь.

– А если бы я сама не пристала?

– Но ты же пристала! Поедем? Покушаем, кино посмотрим.

– Про что кино? – улыбаюсь я его молодежному «разводу».

– Про то, как я по Европе на машине проехал, я сам снимал, – честно отвечает он. – Согласна? – он заглядывает в глаза, совсем как мальчик. Еще бы коллекцию марок предложил показать. – Пожалуйста! – повторяет он. – Мой мальчик очень хочет твою девочку!

– Уговорил, – отвечаю я игриво, изгоняя из себя старушку с ее тухлыми семечками.

Прямоугольник зеркала обрамляет глаза Федора, наполняющиеся чем-то золотистым...

В квартире в нем включается экскурсовод: «Квартира небольшая, но я один и мне пока хватает. Ремонт сам сделал, сам нашел людей, дизайнеров троих выгнал, пришлось самому. Гонят чушь какую-то! Этот стиль не позволяет то, тот это! А я, может, вот так хочу! Вот посмотри, как в комнате получилось!»

В комнате – гибрид старинного серванта и антикварного буфета в ужасе смотрятся в трехсерийное зеркало шкафа-купе в рамах алюминиевых профилей. Их пытается примирить двухспальная кровать в центре, но у нее не получается. Все, что она может сделать для потомка благородных мебельных кровей – прикрыть своим телом его инкрустированные ящички и витые ножки. Поблескивающим шторам наплевать на стилистическую драму в трех действиях, их волнует лишь яркость люстры. При свете они смотрятся богаче.

Очевидно, все участники действия обошлись режиссеру в копейчку.

– Нравится? – самодовольно спрашивает Федор.

– Да, оригинально.

– Стенка испанская! Сделана по моему эскизу! Массив вишни с инкрустацией! Шкаф немецкий, бесшумные антиударные зеркала! Кровать итальянская! Шторы на заказ шили! – гордо перечисляет хозяин.

Мне кажется, благородному потомку с двойной фамилией Сервант-Буфет неловко за хозяина, шкаф гордится его немецкой практичностью, итальянская кровать смирилась, а шторам наплевать.

– А кухню посмотри! – по-хозяйски обнимает меня Федор.

Он протискивается вперед, чтобы встретить меня рассказом, но я опережаю:

– Красота! У тебя замечательный вкус!

– Правда? – улыбается он. – Здесь ящички наши, а фасады из массива африканского дуба ироко!

– А чистота какая! Полотенца, тряпочки, губочки, идеальный порядок! – нахваливаю я.

– Да, я отличная хозяйка! – соглашается довольный Федя.

– Ну, вообще! – восхищаюсь я, найдя в холодильнике даже свежую зелень. – Федя! Ты умница!

– Я вчера закупились! – хвастается «хозяйка». – У меня вообще все есть! Мне и женщина-то не нужна, если бы не секс...

Я чувствую сзади горячее дыхание его маленького тела. Он работает бедрами, изображая, как резво он собирается меня любить. Я улыбаюсь, вспомнив совет из серии «Хозяйкам на заметку: не выбрасывайте старую меховую шапку, она станет прекрасной новой подругой вашему четвероногому другу»

– Тебе смешно? – обижается Федя.

– Нет, что ты!

– Вообще-то я не очень хочу есть, – произносит он с урчанием, сверля мою грудь глазами цвета африканского дуба ироко...

Без одежды он исполняет тот же «танец бедрами» в темпе четвероногого друга, резво работая выпуклой попой, которая, кажется, должна принадлежать собачке покрупней. Через десять минут он отваливается на итальянскую кровать, не удивив и даже не прогнув ее.

– Ну как? Тебе понравилось? – напрашивается на похвалу Федя, по-супружески чмокая меня в щеку.

– А это все или только первая серия?

– Тебе мало что ли? – обижается он.

– Ну, вообще-то я люблю действие в трех актах.

– Ни фига себе запросы! Я устал вообще-то! Я и так старался! Я давно ни с кем так не старался! У меня прием сегодня был с восьми утра, ты забыла?

– Да, Федь, извини, я эгоистка! – виновато говорю я.

Он, довольный реакцией, чмокает меня в то же место.

– Щас! – загадочно произносит он, перепрыгивает кровать и отодвигает бесшумное антиударное зеркало шкафа-купе, вытаскивая оттуда здоровый черный кожух. Здоровый – в смысле «большой», и в смысле «не участвующий в заболеваниях окружающих».

– Что это? – спрашиваю я.

Федя смущенно улыбается. Он извлекает из кожуха блестящий черно-белый аккордеон, ставит его себе на колени, набрасывает на плечо ремень.

– Сыграю тебе...

– Ух ты! – я сажусь удобнее на подушках, слегка прикрывшись краем одеяла. В паре слушатель – музыкант кто-то должен быть одет.

Федор сосредотачивается, склонив голову с растрепанным чубом набок, и раздвигает меха. Его выпуклая попа еще увеличивается, словно раздувается вместе с мехами, и сдувается с обратным движением инструмента. Слегка путаясь, он выводит медленную хриплую мелодию.

– Отвыкли пальцы... – качает он головой в такт музыке.

Благородный Сервант-Буфет замирает, вспомнив давно забытое родное, шторы недовольны недостатком света, кровать терпеливо держит, а трехсерийный шкаф бесшумно отражает голого Федю, на раздвинутых бедрах и сплюсненном половом органе которого дышит черно-белый монстр.

– В детстве учился, редко беру в руки... – оправдывается артист. – Мать хотела, чтобы я был музыкантом.

Я сожалею, что в комнате так мало зрителей. Картина достойна всего улыбающегося амфитеатра с проспекта «Наша клиника», не говоря уже о балконах.

Устав мучить пальцы, Федя отставляет инструмент к шкафу, удваивая его в зеркале, и ложится рядом.

– Тебе понравилось? – с надеждой на похвалу спрашивает он.

– Очень!

– Тебе кто-нибудь играл вот так?

– Нет! Никогда! Ты единственный!

Он улыбается и чмокает меня в уже запатентованное место. Мне становится скучно, словно мы давно женаты, и хочется уйти. Но сразу уходить неприлично, если вообще можно говорить о приличиях, лежа с голым урологом-музыкантом.

– Прикольную пару сегодня видела в твоей клинике, – говорю я, чтобы убить время до слов «ну мне пора».

– Мужик с бородкой с женой? – узнает Федя. – Я их не первый раз вижу. Баба какая-то задерганная, а муж – мой клиент! Скоро будет у меня.

– Откуда ты знаешь?

– Доктора всегда своих видят. Опыт. Заболевания, и даже предрасположенность к ним определенным образом отражаются на человеке. Внешний вид, походка, манеры, цвет кожи, цвет склер, да много всего. Любого врача спроси. А этот так и так придет. После Кружанского они все у меня! – смеется Федор. – Вот кто профи у нас! Мужиков он бегом ко мне, а теток – к эндокринологу, к гинекологу, к трихологу, к физиотерапевту, узи, рентген, анализы, в общем – ко всем, по кругу! Мужики хуже разводятся, ко мне и кардиологу только хорошо идут, на остальное забивают. Но тоже до поры. Полтинник стукнет, приползут со своими простатами! Ну и я своих, конечно, к нему на консультацию в обязательном порядке! Проблемы с членом первым делом на психике отражаются.

– Серьезно?

– Конечно! Это я тебе как доктор говорю! А Анатолий Абрамыч у нас умница! И клинике кассу делает, и докторам на карман налипает! Умеет работать! – восхищается голый уролог. – Крутится, правда, на трех работах. А ему деваться некуда! Жена, семья, две любовницы, квартира в кредит! Я вот смотрю на него и чего-то жениться мне еще больше не охота! Тут как хорошо, потрахались в свое удовольствие и никто никому как говорится! А гармошку, чтобы играла, надо ж смазывать... – философски замечает голый гармонист. – Ну чего, кино посмотрим про меня в Европе? – Он садится на итальянской кровати с такой надеждой в глазах, что вместо того чтобы ответить: «мне пора» я произношу:

– Ну, давай... А оно не трехсерийное?

– Нет! Всего минут двадцать где-то! – Он шустро спрыгивает с постели, демонстрируя выпуклую попу, берет на колени ноутбук, усаживается на подушках, включает.

Голубой монитор высветляет матовые плафоны люстры, которыми она смотрит свысока на происходящее в комнате. Испанский мутант, немецкий педант, итальянская двуспальная приживалка, советский сноб, мнящий себя музыкальным инструментом, голый хозяин квартиры с ноутбуком на коленях и Европой в глазах, очередная голая баба, расплотившиеся китайские тапки... Боже, что приходится освещать! – читаю я люстрины мысли. Все же, наверно, надо зарулить к психологу, но точно не к Кружанскому А.А в «Нашу клинку»...

Матрица

Ему четырнадцать.

Он стоит за шторой у черного окна, в котором фальшивым солнцем отражается шар ночника. Мать на Дне рожденья подруги. Должна приехать. Уже полвторого ночи. Все меньше света за окном. Лишь фальшивое солнце ночника висит над пустой дорогой. Он ждет.

Он всегда ждет мать в ее комнате. Она возвращается пьяная и довольная или пьяная и усталая. Целует его или трепет по голове, произнося: «Сыночка, ну зачем ты ждешь! Я же сказала, что буду поздно! Иди, ложись!» Но прежде, чем уйти к себе, он обнюхивает ее. Запах ее тела и ее духов перебит чужими духами, чужими сигаретами, чужим потом, чужим мужским парфюмом. Он тычется ей в грудь, чтобы вынюхать чужой запах весь, без остатка, но она отталкивает его: «ну что, как маленький, иди, иди...» Он чувствует, как на холке напрягается кожа. Если бы он был волчонком, встала бы дыбом шерсть.

Он ежится в холодной по сравнению с его телом постели, представляя, что все эти мужчины делали с ней, с его мамой. От этих картин у него наступает жесточайшая эрекция и он, закусив одеяло, чтобы не кричать в пустом доме, кончает в кулак. Потом он идет мыть руку мимо материнской комнаты, из которой доносится пьяное сопение.

В свет фальшивого солнца над дорогой въезжает такси. Окно комнаты прямо над подъездом. Машина останавливается. Ничего не происходит. Пять минут. Десять. Пятнадцать. Потом открывается пассажирская дверь и оттуда вываливается мать в мятом платье. Она нагибается еще раз за сумкой. Оправляет платье, хлопает дверью. Хлопает дверью еще раз, сильнее, и, покачиваясь, входит в подъезд. Такси уезжает. Он идет открыть дверь квартиры. Мать, пьяная, бормочет на ходу: «Сына нуштотынеспишь» и, с трудом попав в проем двери своей комнаты, падает поперек дивана.

– Ма, – зовет он, – ты, может, разденешься?

Ему отвечает пьяный храп.

– Ма! – тихонько трясет он ее за ногу.

Она резко закидывает руки за голову, и, всхрапнув, недовольно мычит.

Шар ночника освещает ее голые ноги – одна вытянута, другая согнута в колене, и ее обнаженную... дальше он боится смотреть. Когда она закинула руки вверх, задралось платье, и оказалось, что на ней нет трусов. Он оглядывается, будто кто-то еще может подсматривать. Но дома больше никого нет. Отец всегда в командировках. И сейчас тоже. Вернется только через неделю. Сердцебиение болтает его тело. Он уже не может не смотреть ей «туда»... Он очень близко видит ее небритую «киску», ощущает запах. Волосы мокрые и слипшиеся. Его это поражает. Почему они слипшиеся? Он пальцем дотрагивается до волос. Прохладные, в чем-то мокрым и липким. Он думает только о том, почему у нее «там» слипшиеся волосы. Он ни разу в жизни не видел «это» так близко и в таких подробностях. Видел фильм как женщина лизала женщине, но это не то. Он трогает еще раз, смелее. Нюхает пальцы. Этот запах манит. И «киска» тоже манит. Ужасно манит. Он проводит между губ пальцем и смотрит матери в лицо. Никакой реакции. Он спускает шорты и берется за член, собираясь дрончить, но медлит. Осмелев, касается членом губ, и входит. Там очень горячо, у него подкатывает сперма. Мать стонет и, согнув выпрямленную ногу, раздвигает шире бедра. Он, испугавшись, быстро вытаскивает член, и бурно кончает, забрызгивая спермой слипшиеся волосы на «киске».

«Вот почему они мокрые и слипшиеся! Они в сперме!» – сражает его внезапная догадка, и он, придавленный этим прозрением, опускается на колени между материнских ног...

Забыв погасить ночник, он плетется в ванну.

«Как же таксист без гандона ее... и как можно прямо перед домом... практически изнасиловал... так можно было в рот просто... а в машине пьяную ебать неудобно... пьяные не сопротивляются... она шлюха...» – вяло перетекают в нем мысли под монотонным душем. Ему все равно. Ему больно. Ему хорошо. Он маленький. Он взрослый. Он не понимает, что с ним происходит...

Больше такого не повторялось. Мать приходила пьяная и ложилась, но не голая. Он ждал, гасил ночник в ее комнате и шел драть в ванну. С тех пор он делал это каждый день.

В пятнадцать – у него появилась подруга.

Ему тридцать четыре.

Он инженер. Он женат. Жена младше его на восемь лет, но он не может заниматься с ней сексом. Он это делает, но редко и через силу. Он не хочет ее. Ему нравятся взрослые женщины. От тридцати восьми. Он мечтает о подруге, с которой можно общаться, обмениваться фото и иногда вылизывать ей «киску». Иногда ему везет, и он встречает таких женщин, но надолго это почему-то не получается. Развестись он себе никогда не позволит – ребенок должен расти нормально. Его сыну шесть лет. Он и женился из-за ребенка. Она была просто для ебли, а потом залетела, и он сам настоял на женитьбе. У ребенка должен быть отец, тем более, у пацана! Одна из его взрослых подруг, увлекающаяся психологией, которой он рассказал свою историю, посоветовала завести второго ребенка и присутствовать на родах. Мол, ты увидишь, как твой ребенок вылезает оттуда, и твой блок на секс с женой снимется, ведь твоя жена станет такой же, как мать, и ты ее захочешь. Но он считает, что это полный бред. Он уверен, что дело не в этом. Ему просто нужна женщина доминант. Именно женщина! Потому что тянет полизать именно взрослую текущую «киску». Тем более, что жена категорически против второго ребенка. Редкий секс между ними происходит по настоянию жены только в презервативе. И никак больше. Но он очень любит сына. Он почти смирился со своими необычными сексуальными потребностями и даже научился не показывать вида. «Видно это мой рок. Мне его и нести», – успокоил он себя.

А отношения с матерью у него самые обычные, как у сына с матерью.

Ему сорок один.

Недавно он перешел на новую работу. Не столько из-за большей зарплаты, сколько из-за того, что работа связана с разъездами и командировками. Перспектива встретить больше женщин и меньше бывать дома. Единственное, что его напрягает – у жены появилось больше возможности изменять ему. У него нет конкретных фактов. Но он не сомневается, что она это делает. Все женщины шлюхи. Но зачем своими руками создавать благоприятные условия! Перед последней командировкой он установил в спальне видеокамеру. Если подозрения подтвердятся, он с легкостью разведется. Парень уже взрослый и больше нет необходимости сохранять семью ради ребенка. Дождавшись, пока жены и сына не будет дома, он садится смотреть, что же происходило в его отсутствие.

Он видит жену, которая ложится в постель, приняв на ночь какие-то таблетки. Он и не знал, что она что-то принимает. Она моментально засыпает, даже забыв погасить ночник. В тусклом свете ночника он видит своего тринадцатилетнего сына, уверенно заходящего в их спальню. Он смотрит на мать, наклонив голову, и аккуратным, но привычным движением отдергивает с нее одеяло, задирает ночную рубашку. Она лежит на боку, подтянув колени к животу. Она без белья. Он выбирает точку обзора так, чтобы были хорошо видны ее анус и вход во влагалище, спускает штаны и уверенной рукой берется за член. Кончив, он вытирает руки полотенцем, надвигает на спящее тело матери рубашку, закрывает одеялом, выключает ночник и выходит из комнаты.

Отец просматривает эту запись несколько раз подряд, не в силах справиться с отчаяньем и возбуждением. Отчаянье сильней.

Он открывает ноутбук и рассказывает всю историю с самого начала случайной взрослой женщине, с которой знаком вот уже одиннадцать минут.

«Я не знаю, что мне теперь делать!!! Видит бог, я не хотел этого!!! Ну, в чем я виноват?!» – кричит он в виртуальное пространство, требуя немедленного ответа.

«Неуважение к женщине – это бомба замедленного действия. Дети видят и понимают больше, чем нам бы хотелось. Мы все загружены в матрицу!» – отвечает ему взрослая женщина.

«Ну, при чем здесь это! Я был хорошим отцом! Что мне теперь делать?» – снова и снова набирает он на клавиатуре.

Шар комнатного ночника висит в окне с его вопросами, отражаясь фальшивым солнцем в мониторе ноутбука...

Один оттенок желтого

Витрина с сыром длиною в жизнь. Все оттенки желтого. От белесого до желто-оранжевого. С голубоватыми прожилками и изумрудными оборками благородной плесени.

Маскирую голубую растерянность глубокомысленным выражением лица, подобающим такому выбору. Верчу, читаю, нюхаю. Написано заманчиво, пахнет съедобно. Может, этот? Или все же тот?

Холеная рука в кашемировом рукаве, не раздумывая, берет соседний кусок сыра. Мужчина. Благородная седина. Прямая спина. Погружен в себя и в пальто. Двойная защита от внешнего мира. Пахнет деньгами. У сытой жизни свой, особенный запах. Букет из хорошего парфюма и дорогих магазинов с нотками снобизма, устойчивым ароматом капитала и сладким послевкусием уверенности в завтрашнем дне.

Я открываю рот, чтобы спросить про сыр, но тут же захлопываю. Фу, как было бы неудобно! Откуда-то в нашей жизни взялись люди, которых не схватишь за рукав с вопросом: «Как сырок, жуется? К зубам не липнет?» Они словно из другого мира, эти люди... Смотрю ему вслед. Он двигается неторопливо. Это особенная неторопливость. Не та, когда спешить некуда, а другая, когда можно не суетиться, потому что все организовано и работает как дорогие часы.

Он держит одной рукой тележку, другой телефон. Разговор деловой, судя по его уверенным движениям и непроницаемому лицу, а впрочем, мои выводы это всего лишь мои выводы. Смотреть на него – удовольствие! Интересно, кто он, чем занимается, с кем живет? Иду за ним, как стружка за магнитом...

На прилавке с зеленью мы «случайно» беремся за один пакет с салатом. Он сверху, я снизу.

– Ох, простите, – произносит он машинально и отдергивает руку.

– Нет, нет, это ваш салат! – любезничаю я, привлекая внимание.

– Я возьму другой, – миролюбиво решает он.

– Возьмите лучше этот! – настаиваю я. – Он сегодняшней, а тот, что вы взяли – вчерашний!

Мужчина присматривается к цифрам на упаковке.

– Да, действительно. Спасибо.

Он кладет салат в тележку и медленно отчаливает. Так отъезжает горизонт, если к нему приближаться. Или несбыточная мечта. Неторопливо, но неизбежно. В первом слове слышится разрушительный залп «ПЛИ!», во втором – добрый совет «не бежать». Я не бегу, и даже не иду. С отвоеванным салатом в руке слежу за перемещениями мужчины в кашемировом пальто в царстве продуктов. Пошел к винам. Скрылся за стеллажами. Вынырнул. Встал в очередь в кассу. Я направляюсь туда же с сырно-салатными трофеями и новорожденной надеждой не знаю, на что... Аромат сытой жизни усиливается по мере приближения к этому мужчине. Он выкладывает на ленту транспортера покупки: сыр, зелень, салат, бутылку вина, упаковку памперсов. Мне становится еще интересней. Я тянусь прочитать килограммы на памперсах и толкаю его своей тележкой. Он оборачивается.

– Простите, – смущаюсь я.

– Вы меня преследуете? – с иронией в голосе спрашивает он.

– Да. Нет. Да...

– С какой целью?

– Не знаю. Понравились! – наглею я от смущения.

Еле заметная улыбка трогает его глаза непонятного цвета. Я записываю себе маленькую победу.

– Пойдемте, – говорит он.

– Куда?

Улыбка чуть шире. Он расплачивается картой «Americanexpressplatinum» и даже ждет меня возле кассы, но с таким видом, что был бы мой сыр хоть сантиметром толще, – не стал бы ждать.

Я следую за ним до машины. Он аккуратно устраивает пакет на заднее сиденье Мерседеса, не спеша обходит машину.

– Мне нужно заехать в пару мест, можете составить компанию. Скрасите дорогу. Я без водителя сегодня, – вспоминает он про меня.

– Ну, если недалеко и недолго... – кокетничаю я.

– Прошу! – открывает он дверь с непробиваемым выражением лица.

Запах сытой жизни в машине сгущен до сиропа. Пахнет кожаным салоном, ухоженным хозяином, дорогим парфюмом и свежими розами. На заднем сиденье – букет темно-желтых роз. Мужчина ловко садится за руль, оценивая меня быстрым безэмоциональным взглядом – нет ли опасности. Или грязи? Ему около пятидесяти. Может, чуть больше. Но возраст не выдает ничего, кроме уставших глаз.

– А меня Татьяна зовут! – начинаю я знакомство детсадовским способом.

– Очень приятно, Татьяна. Ну, рассказывайте, зачем вы за мной следили? – строго спрашивает он.

– Я не следила! Просто вы притягиваете чем-то. Я притянулась, а проанализировать не успела! – честно отвечаю я.

– Есть возможность сейчас проанализировать.

– У вас энергетика замершего вулкана. Вы производите впечатление человека, который, если захочет, может все! И еще запах от вас такой... Сытой жизни что ли, уверенности. Меня примагнитило! – анализирую я на ходу.

– Примагнитило, значит, – еле улыбается он. – Запах сытой жизни... Хм... не задумывался. Деньги у меня были всегда, это правда. Я в двадцать пять лет уже имел собственный дом, который сам купил. Не дачу-фигачу совковую, а нормальный трехэтажный дом! С ванной и отоплением! – его глаза оживают. Они редкого цвета – светло-карие, с золотистыми прожилками и четкой мишенью зрачка. – Не думал, правда, что как-то пахну при этом.

– У вас маленький ребенок?

– Двое. Год и два с половиной.

– Тяжело, наверно, в таком возрасте?

– Нормально. Жена, няни, повара, дом большой, не толкаемся. Тяжело не это... И в каком таком возрасте? Я пять раз в неделю в спортивном клубе! Я каждое утро проплываю пять километров! Моей жене двадцать четыре! О каком вы возрасте?!

Зрачки в его глазах, пожалуй, не мишени, а два затаившихся снайпера. Выстрелить может любой...

– Простите, не хотела задеть! Я имела в виду, что двое малышей это тяжело в любом возрасте. Но это не про вас, конечно!

– Задеть меня невозможно, – произносит он и замолкает, снова забывая о моем существовании.

Почему такой кайф ехать в хорошей машине? – плавно покачивает Мерседес полторы мысли в моей голове. – Дорога, дома, люди на тротуарах – вроде те же, но отношение ко всему меняется. Прохожие из похожих и родных становятся безликой массовкой, в дорогие магазины так и тянет зайти, а выбоины в асфальте раздражают – амортизаторы дорогие!

– Бесят вас наверно, дороги? – пытаюсь я наладить контакт.

– Да уж, Россия не Америка.

– Вы были в Америке?

– Жил там пять лет.

- Почему уехали?
- Надоело.
- Все-таки, вас что-то бесит! – радостно заключаю я.
- Ничего меня не бесит, – безразлично отвечает он.
- А я? Не раздражаю? – раздражаюсь я его безразличию.
- Вы? Нет. Расскажите что-нибудь. Чем вы занимаетесь? Меня, кстати, Игорь зовут.
- Очень приятно, Игорь. Последние полчаса занимаюсь тем, что пытаюсь вести с вами непринужденную беседу. Что-то не очень у меня это получается.
- Что для этого нужно?
- Не знаю... Выяснить, что вам интересно!
- Удастся?
- Неа...

Эмбрион улыбки на его лице сворачивается мою сторону, отражаясь в зеркале заднего вида.

- Ну, спрашивайте, что вас интересует?
- А вы ответите на все вопросы?
- На все – нет.
- Хорошо, давайте попробуем. То, что вас ничего не бесит, я уже усвоила! Но вы в начале произнесли фразу «тяжело не это». Значит, все же, что-то тяжело для вас? Что?
- Вы подозрительно въедливы. Вы не газетная писака, часом?
- Нет! Честное пионерское!

Он смотрит в мое честное лицо взглядом опытного милиционера. С тем же выражением пропускает тетку, переходящую дорогу в неполюженном месте. Смотрит на меня еще раз, пристальной.

– Знаете, я помню, мальчишкой мечтал о джинсах. Купить в совке их было негде. Они просто не продавались. Они мне снились по ночам! Такие темно-синие, с карманами, выстроенные по швам, настоящие американские джинсы! Сколько раз во сне я надевал их, умирая от счастья! Просыпался, а меня как кипятком – сон! Так обидно! Нашел фарцу, набрал денег, достал! Полгода отдавал долги! Но как сейчас помню тот день, когда я вышел в этих джинсах на улицу! Счастливей меня не было человека! Я больше никогда не был так счастлив! Никогда... Ни когда купил первую машину, ни когда купил дом на Манхэттене, ни когда женился на «мисс Мира». А пластинки! Доставали, менялись, гонялись за ними! Держишь в руках новый диск битлов и такой кайф! Невероятный! Но те джинсы, конечно, недостижимы! Сейчас нет такого. Пропало. Захотел – купил, захотел – купил. Я уже купил все, что хотел. И то, чего не хотел. Купил потому, что у всех есть или потому, что нет ни у кого. И просто по привычке покупать. Все, что я хочу, я могу купить. Сразу! Но у меня больше нет желаний! Вот что тяжело... Понимаете?

– Понимаю. Теоретически...

Мы выезжаем на Новый Арбат. Игорь ставит машину на парковку.

– Подождете? Я буквально, пять минут. – Он роется в бардачке и извлекает конверт. – Посмотрите пока. Здесь я молодой и красивый.

В конверте фотографии.

Игорю лет тридцать. Он стоит на балконе, на уровне, наверно, двадцатого этажа – небоскребы за его спиной вровень с развевающимися волосами. Это явно Америка. В кармане бежевой рубашки – темные очки, на поясе – мобильный телефон размером с кирпич. Снимают из комнаты. Он сосредоточен, но еще не так, как сейчас.

Игорь в плаще, темных очках и белой рубашке (торчит воротничок) – на борту какого-то плавсредства. Видна лишь небольшая часть палубы. За ним серая вода, серое небо и берег с еще живыми башнями близнецами.

Игорь в красном кабриолете на парковке. Почему-то не улыбается. Откуда уверенность, что в кабриолете следует улыбаться?

Игорь в том же кабриолете, но ближе. Одна рука на коже руля, вторая на коже подголовника пассажирского сиденья. Игорь щекастый и вихрастый, но грустный. Видимо, грустный уже давно. Фон – два фрагмента коттеджей и два диковинных растения, похожих на наших сосну и плакучую иву, но не по-нашему раскормленных, словно их удобряли попорном и поливали кока-колой.

Игорь на теннисном корте. Футболка, штаны – бермуды, кроссовки, ракетка. На лице солнце и подобие улыбки.

Главный герой следующих трех фотографий – огромный белый диван в огромной комнате. Диван влезает в фотографию лишь частями. На его правом повороте Игорь сидит, закинув ногу на колено. За головой – дерево в кадке. Он в красном пиджаке, белой рубашке, серых брюках. Галстук ярко-синим концом указывает на палец правой руки с обручальным кольцом.

На левом повороте дивана Игорь в той же позе, но в другой одежде. На стене картина «взрыв краски». Рядом – большой телевизор, музыкальный центр, букет в напольной вазе, на стекле журнального столика – пять пультов и видеокассета.

На центральной части белого дивана Игорь в джинсовом костюме, раскинул в стороны руки, показывая: «Весь этот диван – мой!»

На следующей фотографии он в шортах и футболке на фоне двухэтажного дома, словно слепленного из кубов разных размеров. Не наш дизайн – не сарай и не средневековый замок с бойницами. Ровные газоны, ровные дорожки, ровная зелень, ровные облака. И пейзаж точно не наш. Не перепутаешь.

Еще фото: Игорь за рулем белой машины на фоне коттеджей. Еще – на фоне Тадж Махала в скромных серых брюках. Еще в баре, в джинсах и кроссовках. Еще – на горнолыжном курорте. Шапку и очки держит в руке, чтобы быть опознанным.

На двух следующих фотографиях ему лет двадцать пять. Он в джинсах, с электрогитарой, поет. И за синтезатором, тоже в джинсах и тоже поет. Увлеченность, ноты, пустые бутылки.

Еще фото – снова старше – в дендрарии. Светлые брюки, полосатая футболка, сощуренный взгляд, уставший читать про баобабов.

На последней фотографии – явно Европа. Игорь идет по узкой улице, глядя в сторону и не зная, что его снимают. Аккуратная стрижка, темное пальто, уверенность. Маленькие машинки, цветы на балкончиках и окнах красивых домов с завитушками и пилястрами. Вспоминается классик: «Может быть, вся европейская культура, с ее завитками, финтифлюшками, пилястрами и проч., есть всего лишь тоска обезьяны по утраченному навсегда лесу».

Интересно, где это? На обратной стороне фотографии надпись: «Петрову от Чернова».

В лобовом стекле Мерседеса – мужик, пожирающий жадным глазом чужую машину и приближающийся Игорь.

- Ну, все! – садится он за руль. – Дело сделано. Предлагаю поужинать. Вы как?
- Вы же собирались в пару мест.
- Вопрос решился за один заход.
- А букет кому?
- Супруге. Сегодня годовщина знакомства. Для нее это важно.
- А для вас?
- Тоже. Ну, так что?
- Давайте...

По дороге я спрашиваю о фотографиях. Он подтверждает, что коттедж, сделанный из кубов разных размеров, принадлежит ему, и красный кабриолет, и даже белый диван.

- Это Америка 93–97 годов, еще небоскребов-близнецов не бабахнули, – поясняет он.
- А там одна фотография, где вы явно в Европе. Это вы где?

– Которая?
– Вы там как Плейшнер идете по цветочной улице. Случайно застигнутый фотоаппаратом.

– Этот снимок там? – удивляется он.

– Ну да...

– Это Швейцария, – подумав, отвечать ли, произносит Игорь.

– Вы и там были?

– И в Швейцарии, и в Германии, в отличие от многих, кто там был, я там, как и в США, жил, то есть имел в своей собственности квартиры, дома, машины, бизнес и т. д. Как впрочем, сейчас и в России.

– А кто такой Петров?

– Петров это моя фамилия.

– А Чернов?

– Слишком много вопросов, – остужает Игорь мой любознательный пыл.

В огромном бело-золотом ресторане мы одни. Нас встречает официант с сияющей улыбкой Робинзона, тридцать лет не видевшего живых людей. Приятно так радовать работника общепита одним своим появлением.

– У них карантин? – недоумеваю я. – Чего нет-то никого?

– Здесь безумные цены, – полноценно улыбается Игорь. – Народу всегда мало.

Безразличие, с которым Игорь заказывает, говорит о том, что самое экзотическое блюдо в меню – это я! Я стараюсь соответствовать заявленному интересу. Рассказываю то, что знают все и то, что не знает никто. И просто по привычке рассказывать. Эмбрион улыбки дозревает до почти доношенности, и мне это приятно.

К десерту мы переходим на «ты». Он предлагает отвести меня домой, и встретиться еще раз. Я соглашаюсь.

По дороге я спрашиваю о гитаре и синтезаторе на фотографиях, и он с волнением вспоминает свою битломанскую юность. В его глазах дрожат золотистые прожилки, а в голосе слышится «Мишель».

В следующую встречу мы идем в «закрытое место». Квадратный амбал, похожий на советский желтыйавтомат с газировкой преграждает мне дорогу, но Игорь кидает в него монетку: «девушка со мной» и амбал выдает порцию газированной любезности.

Я знаю здесь почти всех! Они все из телевизора! Глазеть неприлично, но очень хочется.

– Здесь только известные и богатые люди, – предупреждает Игорь. – Расслабься. Они на самом деле самые обычные. Вот этот пьет как верблюд, – одними глазами показывает он на персонаж, живущего в телевизоре по утрам. – А вон тому жена изменяет в открытую, и все об этом знают, кроме него, – кивает он на известного сериального красавца. – А за мной мужичок, только не смотри! Скоро сядет. Последние дни отгуливает.

– За что?

– Сам виноват. Не тем занес, – ухмыляется Игорь.

Он вяло пересказывает еще пару сплетен, подтверждающих истину, что ни деньги, ни известность счастья не прибавляют. Разговор возвращается к теме отсутствия желаний.

– Я был везде, где хотел побывать, я пробовал все, что хотел попробовать, я женат на самой красивой девушке, которую когда-либо видел. Я живу так, как хочу! Я не понимаю, почему я не чувствую себя счастливым!

Мне хочется помочь ему, но я не знаю как.

– Ты же не первый с этими вопросами. Кроме материального есть духовное... – выдаю я еще одну бесплатную истину.

– Это не для меня! – отрезает Игорь. – Религия, опиум для народа, а не для меня! А из светского духовного – музыка, фильмы, книги, картины – у меня все это есть.

– Почему обязательно религия? Люди занимаются духовным ростом, благотворительностью, помогают больным, бедным...

– Да ну, это все не то. Попросят, я даю. Какое это имеет отношение к моему личному счастью? Никакого!

– Расскажи еще об Америке! – прошу я, чтобы свернуть с тупиковой темы.

– Да чего о ней рассказывать? С деньгами везде нормально. Купил дом, купил машины, погонял по хайвеям, поиграл в Лас-Вегасе, поплавал в океане, побегал по пляжу, разбил машину, купил другую... Расскажи лучше ты мне что-нибудь забавное. Мне нравится твоя живость.

«Да я блин живее всех живых!» – чуть не ляпаю я, но лишь делаю лицо, подобающее первому комплименту и рассказываю забавное...

Мы прощаемся как коллеги по работе, отметившие сдачу отчета или установку в офисе бесплатного автомата с газировкой.

Я жду, что Игорь возьмет меня за руку, или за колено, или хотя бы печально посмотрит в глаза, но он не делает ни первого, ни второго, ни даже третьего. Он без эмоций желает мне спокойной ночи и приглашает провести с ним еще один вечер. Я соглашаюсь уже из интереса.

В следующую встречу он в джинсах и на внедорожнике. Тоже Мерседес. На запах сытой жизни смена одежды и транспортного средства никак не влияет. Рядом с ним жизнь кажется удавшейся. На заднем сиденье – букет темно-желтых роз, размером с давно не плакавшую плакучую иву, раскормленную поп-корном.

– Это тебе, кстати, – говорит Игорь.

– Спасибо. А почему желтые?

– Они не просто желтые. Они благородно, богато желтые. Мне нравится именно этот один оттенок желтого. Моя мать любила такие розы.

Мы едем в очередное «хорошее место».

– Что расскажешь интересного? – спрашивает он.

– Да не знаю. Сегодня просидела дома. Еще бы пенсию домой приносили.

– Ну, мать, ты даешь! – взрывается бодростью Игорь. – А вот я сегодня, правда, пыжился еще вчера, был в клубе! Почти два часа бегал, насиловал тренажеры, тягал железо. Потом минут десять плавал в бассейне, уже устал, и больше не хотелось, обычно больше, потом массаж минут на сорок, потом пять минут позагорал. Выходишь на улицу и опять как в молодости – чувствуешь себя молодым, двухметровым, голубоглазым блондином. Класс! А ты про какую-то пенсию, понимаешь...

В «хорошем месте» говорим об именах. Я цитирую книжку Хигера об именах и отчествах и их влиянии на характер. Игорь что-то об этом слышал, но я пересказываю забавней.

– А что там по поводу имени Игорь и отчества Витальевич?

– Про Витальевича не вспомню, а вот про Игоря помню фразу: «мужчины, носящее это имя, словно сотканы из противоречий: они упрямы, но в то же время легко приспособливаются к обстоятельствам, быстро сходятся и быстро расстаются, расчетливы в делах, но любят пофантазировать...»

Игорь рассматривает меня своими карими, с золотистыми прожилками глазами, подперев подбородок руками, словно чтобы не промахнуться при стрельбе.

– Красивая-я! – выстреливает он к концу вечера холостыми нежными...

Из «хорошего места» мы снова идем к хорошей машине. Игорь вдруг останавливается.

– Потрогай мою задницу! – неожиданно предлагает он.

– Ни фига себе! Камень! – с удовольствием трогаю я.

– Ты дашь моей жопе пятьдесят лет? – игриво улыбается Игорь.

– Нет, конечно! Ни за что не дам!

Он смеется. Над моим двусмысленным ответом или над своей пятидесятилетней жопой – не понятно. Я впервые вижу его смеющимся. Прощаясь, мы, наконец, целуемся. Начинаю я, но он не против. В этом поцелуе мне кажутся годы гонки за мечтами, вековая невозможность расслабиться и быть просто собой, а не лучшим...

«В этом крике жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике» – раздувает голову очередной классик.

Я уже жду смелую мужскую руку где-нибудь в хорошем месте, но Игорь отстраняется, словно вспомнив, что позволил себе лишнее.

Звонит телефон.

– Петренко! – вместо «але» произносит он и слушает трубку. – Все понял. Завтра с этим разберусь. – Спокойной ночи! Я позвоню! – так же сухо говорит он мне.

«Я тоже позвоню!» – думаю я, пока лифт тащит мое нетронутое тело «глупого пИНгвина» через этажи.

Я звоню знакомой, почти подруге, заслуженной «жене» с квартирами в Монако и Лондоне после последнего развода последнего мужа. У нее суровый подходк мужчинам: «Мужчины с часами, дешевле двухсот пятидесяти тысяч долларов – меня в принципе не интересуют». Но он, как ни странно, работает.

Объясняю ситуацию – мол, вот такой попался – за сиськи не хватает, в койку не тащит, алгоритм незнакомый, я в растерянности!

– Что ты от него хочешь? – сразу по существу спрашивает почти подруга.

– Ну... не знаю... – скромничаю я.

– На «нунезнаю» он не пойдет. В этой среде не принято заводить любовниц. Тем более, пожилых, за тридцать! – хихикает подруга. – Через пару лет он женится на «Мисс Вселенная», если у него сейчас «Мисс Мира», или на олимпийской чемпионке. По керлингу! – веселится она. – Извини, но ты не конкурент в этом смысле. Сама понимаешь.

– Понимаю... Но мне так понравилось с ним целоваться...

– Не обольщайся. Эти мужчины в сексе никакие. Они развращены вниманием настолько, что шевелиться считают ниже своего достоинства. Не царское это дело! Разлягутся и лежат, как будто ты проститутка и обязана отработать. «Давай сама, детка» – топовая фраза.

– А может, он не такой! – обижаюсь я за Игоря Витальевича Петрова.

– Проверь, если не лень, – равнодушно кидает почти подруга.

Игорь действительно звонит.

– Вот давеча ты упрекнула меня в отсутствии духовного роста! – начинает он обиженным тоном. – А ты, знаешь ли, что отсутствие в заповедях еще одной все остальные низводит до уровня демагогии?

– Какой же?

– А вот какой? Догадайся!

– Я правда не знаю! Вроде все грехи перечислены. Не укради, не убий, не возжелай жены, раба, осла ближнего, не прелюбодействуй, не сотвори себе кумира... Что еще?

– А «не лги»! Нету такой?

– Нету...

– Вот! – радуется Игорь. – «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» – есть, а «не лги» – нету! Значит, лгать можно? Можно украсть и солгать, что не крал! Убить и солгать, что не убивал! И так со всем остальным! Понимаешь? Какие глобальные недоработки в главном духовном учебнике человечества! А ты говоришь, духовное! Чушь это все! Ладно, пока...

В обед от Игоря приходит смс: «Заехал пообедать. Этот обед я посвящаю тебе!»

«Посвяти мне и обратный процесс» – неудачно шучу я в ответ.

В ужин приходит еще одно смс. Последнее: «Ты права. Не стоит тратить время на самолюбленного эгоиста. Ты достойна лучшего. Прощай»

Я чувствую себя автоматом с газировкой, в который сунули доллар и ударили по крышке кулаком. Меня трясет от скопления газа и от непонимания произошедшего. Я вдруг вспоминаю, как Игорь Петров ответил в телефон «Петренко» и набираю в поисковике: «Петренко Игорь Витальевич».

Читаю:

«Петренко Игорь Витальевич, 60-го года рождения, уроженец Ленинградской области. В 94-98-х годах находился в федеральном розыске по запросу ГУВД Санкт-Петербурга на основании уголовного дела №....., возбужденного N-м отделом РУОП по статье 147, части 3-й УК РСФСР, мошенничество, от четырех до десяти с конфискацией. Петренко совместно с директором ТОО Черноусовым набрал кредитов у ряда фирм на общую сумму в два миллиона долларов. 20 февраля 98-го года Петренко был арестован. 16 августа освобожден под подписку о невыезде. Сейчас уголовное дело приостановлено, так как его подельник Черноусов скрывается в США...»

Переварив доллар, выдаю порцию газированной любезности с сиропом: «Можно менять дома, машины и жен и разглагольствовать о недоработках в заповедях. Не помогает. И не поможет. Счастья нет, и не будет! Не продается, она, падла, чистая совесть...»

Мой желтый сироп одного оттенка – оттенка желчи...

Восьмерка

В подвале, переделанном в ресторан, я ждала знакомую. Подвал выдавали бетонный потолок, замазанный серебряной краской, раздутые змеи гофрированных труб и перекрашенные стены с подтеками. Ресторан изображали столики с толстыми свечами, бар в глубине и четыре официанта: две перекрашенные из брюнеток блондинки с короткими ногами и два щуплых натуральных брюнета с кривыми. В отсутствии клиентов они, облепив стойку бара, поглядывали на единственного кроме меня, посетителя – грузного жующего мужчину в песочном джемпере.

Коротконогая блондинка принесла картонку меню мне и тарелку с едой грузному мужчине, и вернулась к своим. У мужчины зазвонил телефон. Звонок имитировал старый телефонный аппарат с трубкой, которую снимали с рычага, расправив пружину провода. Мужчина с размаху налепил на ухо белый пластырь айфона.

– Да, дочь! Все нормально! – хрипло крикнул он. – Заехал перекусить! Один! Могу! Какой вопрос? А я же тебе послал инфу. Ну, я помню, что ты тоже юрист, но в этом случае проще через завещание. Мать дарит дочери, вступаешь в права, налогов ноль. Да, я тебя слушаю! Хорошо! Поговорим. Сегодня? Третье с утра было. Да не за что. Давай!

Его мясистое лицо было огорожено по всему периметру аккуратно скошенной растительностью. Ежик волос переходил в короткую щетину и снова возвращался в ежик. Внутри растительной изгороди располагались мутные болотца глаз, холм пористого носа и две грядки губ в сорняках усов, тоже тщательно прополотых. Его отечное лицо и хриплый голос выдавали в нем человека пьющего, который к тому же курит давно и много.

Сегодня третье! – переварила я услышанную новость. – А тройка это невезуха. Мне, по крайней мере, на тройку всегда не везло. Третий билет или двенадцатый или двадцать первый, обязательно спрашивал то, что никто и не собирался учить. Третья попытка была самой неудачной, дела в среду не делались, каждый третий крокодил не ловился и кокос не рос. Нумерология вообще вызывала мой живой интерес. Я даже вывела собственную теорию, антинаучную, но регулярно подтверждающуюся опытным путем. Она состояла в том, что у цифр есть лицо и характер и каждый человек похож на цифру своего рождения. Так, например, единица это кол, и люди, родившиеся 1-го, 10-го и 28-го числа – также несгибаемы. Им хоть кол на голове чеши, они делают все по-своему и никогда никого не станут слушать! Двойка – 2-е, 11-е и 20-е числа рождения, – похожа на коня. Коню нужно, чтобы на нем ехали. Он сбрасывает наездников, демонстрируя независимость и самостоятельность, но на самом деле, один – топчется на месте, не зная, куда скакать. Тройка – словно огибает препятствия самой своей формой, она и в жизни обходит любую неприятность с пользой для себя. Четверка – воздевает руки к небу, прося новых впечатлений. Для четверки главное – обновление, хоть чего-нибудь, иначе она засыхает, как дерево без воды, на которое она тоже похожа. Пятерка – удобная площадка для груза на колесном ходу. Она везет, на нее грузят. И сама на себя, и окружающие на нее. И сколько ни нагрузи, свезет. Инфаркт и нервное истощение – обычный «хеппи-энд» пятерки. Шестерка – ввинчивающая спираль, доходит до самой сути всего, чем бы ни занималась, ей мало «википедии». А девятка, вроде тот же знак, но наоборот, все поверхностно. Девятка сует свою единственную длинную ногу во все подряд, что попадает на пути. И не сразу доходит до ее головы, что лучше было этого не делать. Семерка – самый загадочный знак. В ней видят крест, угол, букву «Z», но только она сама знает, кто она и видит всех насквозь. Играть с семеркой бесполезно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.